

Рѣчь, сказанная при погребеніи протоіерея Александра Константиновича Гиляровскаго священникомъ Казанской, въ Суцѣвъ, церкви с. В. Чертковымъ 1910 г. ноября 12 дня.

Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа.

Дорогой собратъ и сослужитель нашъ, въ Бозѣ почившій, искренній, сердечный другъ мой, вѣрный рабъ Божій, протоіерей Александръ! „Внезапу найде на тя страшный часъ смертный“. Точно, буквально исполнились надъ тобою сіи слова погребальной пѣсни. Ты, почившій рабъ Божій, въ день смерти своей отслужилъ въ семь святомъ своемъ храмѣ божественную литургію, принесъ Богу послѣднюю свою безкровную жертву, пошелъ въ другой храмъ, храмъ обученія дѣтей, тамъ преподавалъ имъ свой урокъ, пришелъ домой отдохнуть и подкрѣпить себя на новый трудъ; дорогая твоя спутница жизни подаетъ тебѣ изготовленное ею кушанье, ты берешь въ руки ложку, но ложка эта выпадаетъ изъ твоей руки, взглядываешь на свою дорогую подругу жизни, произносишь краткое „охъ!“ наклоняешь главу свою и... выпускаешь духъ... Тихо, мирно, безболѣзненно почилъ ты, рабъ Божій. Легка, необычайно легка твоя смерть! Завидна твоя кончина... Но насколько легка твоя смерть, настолько великъ ударъ горести для твоей семьи, для твоихъ родныхъ, друзей и знакомыхъ... Никакіе громы молній, будь они и внезапные, никакіе подземные удары, разрушающіе дворцы и храмы, никакіе ужасы не могли бы такъ страшно потрясти сердца твоихъ близкихъ, какъ сдѣлала это твоя внезапная смерть! Но эта внезапность была только для насъ, окружающихъ теперь гробъ твой, но не для тебя, почившій рабъ Божій. Ты никогда не ложился спать, не прочитавши сію молитву: „Владыко Человѣколюбче! Неужели мнѣ одръ сей гробъ будетъ, или еще окаянную душу мою прѣсвѣтиши днемъ: се ми гробъ предлежитъ, се ми смерть предстоитъ“... Да, почившій собратъ нашъ, ты никогда не забывалъ о смертномъ часѣ, мысль о смерти всегда была въ душѣ твоей, хотя ты и не высказывалъ ее въ слухъ своихъ близкихъ и не впадалъ въ мрачность, но всегда былъ бодръ и жизнерадостен. Память смертная заставляла лишь тебя готовиться къ переходу изъ жизни временной къ жизни вѣчной. И мы знаемъ, вѣримъ и надѣемся, что ты, почившій рабъ Божій, вполне уготовалъ себя къ вѣчной загробной жизни, что ты созрѣлъ вполне, и ангелъ смерти сжалъ тебя, какъ зрѣлый колосъ, какъ добрый

плодь, чтобы положить въ житницу Божію. Эта же память смертная заставляла тебя, почившій собрать нащъ, усиленно работать, трудиться и заботиться о чужихъ и присныхъ своихъ. О, эта забота! Сколько она уноситъ преждевременно жизнью! Болитъ душа пастыря о всѣхъ скорбящихъ, обремененныхъ тяжкими грѣхами и нуждами тѣлесными, особенно пастыря съ отзывчивымъ, впечатлительнымъ, добрымъ сердцемъ, какимъ былъ почившій. Трудна забота пастыря, какъ пастыря, какъ отца духовнаго, но не менѣе тяжка его забота, какъ домохозяина, какъ отца и кормителя чадъ своихъ тѣлесныхъ. Сколько скорби, сколько мрачныхъ, тяжелыхъ думъ пройдетъ по сердцу твоему, пока крохами, буквально крохами, собираешь обезпеченіе, необходимое для пропитанія, воспитанія и обученія чадъ своихъ, къ числу коихъ нерѣдко присоединяются и братья, и сестры осиротѣвшія, и др. Не говоримъ уже о будущемъ обезпеченіи, а лишь только о настоящемъ, текущемъ содержаніи своей семьи. А будущее семьи, при мысли о внезапности смерти, развѣ не тяготитъ сердце труженика-работника отца? Развѣ не заставляеть его еще и еще прибавлять шагъ на своей трудовой полосѣ жизни? И вотъ, не смотря, на этотъ усиленный трудъ, при всей своей несусыпной заботѣ, нерѣдко бываетъ: умираеть труженикъ, и семья—безъ крова и безъ всякаго обезпеченія. Владыки наши во очію видять, какъ велико, какъ многочисленно это стадо безпріютныхъ, безкровныхъ сиротъ. Всѣ пороги ихъ безмолвныхъ келлій облиты горячими слезами этихъ сиротъ. И, несмотря на все это, на весь этотъ тяжелый трагизмъ жизни въ нашей духовной средѣ, находятся злые люди, которые осмѣиваютъ нашу заботу о присныхъ, оплевываютъ этотъ тяжелый нашъ крестъ. Не слышимъ ли мы нерѣдко изъ устъ нашихъ злохулителей, нашихъ недоброжелателей сіи злостныя слова и выраженія по адресу нашему: „о, хапуны, о, долгія руки, о, широкіе рукава и длинныя карманы, вамъ все мало, вамъ все давай да давай!“ Какъ-будто мы беремъ, что намъ даютъ, для того, чтобы строить себѣ широкіе палаты и дворцы, чтобы жить широко и богато, а не для насущнаго обезпеченія своей семьи... Нѣтъ, не смѣяться нужно надъ этой священной заботой труженика, а лишь удивляться терпѣнію, смиренію и безропотности этихъ тружениковъ, собирающихъ эти крохи для семей. Тяжелъ нашъ крестъ, братія! И не онъ ли устрашаетъ чадъ нашихъ, которые, воочію видя всю тяжесть духовнаго званія, бѣгутъ, къ нашему огорченію, изъ родной своей среды на другія болѣе широкія и свободныя поприща?.. А у почившаго раба Божія кромѣ этого креста было много и другихъ тяжелыхъ крестовъ. Но онъ, какъ вѣрный рабъ Божій, какъ многострадальный Іовъ, одно лишь говорилъ: „да будетъ воля Божія, да будетъ благословенно имя Господне и въ горѣ и радости“,—безропотно, бодро несъ свои кресты и неустанно вель свои бразды на своей житейской нивѣ, пока не палъ, какъ добрый конь на браздѣ своего поля, не доработавши его... Кончилъ труженикъ поприще свое земное и удалился во страну покоя...

А семья? А семья вся въ слезахъ, въ неумытномъ горѣ и уныніи. Щемятъ сердце и давятъ душу твоей дорогой осиротѣвшей спутницы жизни, какъ страшные кошмары, роковые вопросы: какъ быть? Что дѣлать? Вѣдь семь неустроенныхъ чадь, изъ коихъ одинъ больной, требующій постояннаго лѣченія,—да внукъ-сирота... Какое великое горе! Какая невыразимая скорбь! О, какъ хотѣлось бы растворить эту горечь скорби, сказать и дать отраду скорбящимъ душамъ такихъ присныхъ! Но бессильно наше слово; бессильны мы претворить эту горечь муки въ сладость. Это могъ лишь сдѣлать богоносный пророкъ Моисей. Одно лишь всемогущее слово Божіе, одна лишь сила Божія можетъ обратить въ едино мгновеніе всякую горестъ въ радость. Только Христосъ могъ властно сказать горько плачущей матери объ умершемъ своемъ единственномъ сынѣ: „не плачь“; ибо за этимъ словомъ послѣдовало и другое властное слово: „возстани, юноша“. Только Христосъ Спаситель горькія слезы Марѣи и Маріи могъ претворить въ слезы радости. Мы же бессильны это сдѣлать. Мы одно лишь можемъ сказать: плачьте, лейте горячія слезы,—но не растворяйте ихъ ропотомъ, отчаяніемъ и уныніемъ. Не Христосъ ли намъ сказалъ: „се Азъ съ вами естъ во вся дни до скончанія вѣка?“ И не можетъ ли Онъ и теперь утишить эту скорбную бурю? А Царица Небесная, Матерь Божія, эта Радость всѣхъ скорбящихъ, развѣ не видитъ всѣ наши лютыя скорби? А самъ почившій? Развѣ онъ уже не будетъ знать всѣхъ своихъ присныхъ и чадь тѣлесныхъ и духовныхъ? Онъ горячо молился здѣсь за нихъ, стоя у престола Божія, съ любовію и надеждою взирая на свой храмовой образъ Богоматери „Всѣхъ скорбящихъ радости“, и теперь тамъ, въ горнихъ обителяхъ, стоя у престола Господня и лицомъ къ лицу взирая на Царицу Небесную, развѣ не умолитъ онъ Ее помочь осиротѣвшей своей семьѣ. Вѣрьте и надѣйтесь, горько плачущіе у гроба сего: Господь Богъ, по молитвамъ почившаго и по ходатайству Царицы Небесной, вложитъ въ сердца добрыхъ людей, горячо любившихъ почившаго,—а такихъ, мы знаемъ, у почившаго было не мало,—состраданіе и любовь къ своей осиротѣвшей семьѣ, и эта любовь покроетъ ваше горе...

Теперь остается сказать послѣднее и самое тяжелое слово: прощай, дорогой собратъ нашъ, прощай, нашъ другъ и сладкій собесѣдникъ! Иди въ страну загробную, а може всѣ пойдешь, и можетъ-быть скоро,—иди съ симъ сладостнымъ напутствіемъ св. церкви: „Христосъ тя упокоитъ въ странѣ живущихъ и врата райскія да отверзетъ ти: и царствія покажетъ жителя и оставленіе тебѣ дастъ, о нихже согрѣшилъ еси въ житіи, Христолюбче“. Будемъ, братіе, молить и просить объ этомъ Господа всегда, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь.